

УДК 323

О.В. Шадрина, аспирант*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская 33, г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: Shadrina_O_V@list.ru***ВЛИЯНИЕ ТЕНЕВИЗАЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПЕРЕХОДНЫХ ОБЩЕСТВАХ**

Устанавливается сущность теневизации в экономической, правовой и политической сферах. Определяются предпосылки теневизации политики в переходных обществах.

Ключевые слова: теневизация, теневые отношения, «теневая политика», неформальная практика.

В политической науке на современном этапе развития прослеживается тенденция, в соответствии с которой интерес большинства ученых акцентируется на исследовании легальной стороны политических отношений. Объектом подобных исследований, как правило, становятся процессы официальной политической жизни. Это не означает, что политические явления, не соответствующие формальному критерию не исследуются вовсе. Однако такие явления и процессы находят отражение в значительно меньшем объеме научных публикаций. В результате различные неформальные практики оказываются недостаточно исследованными. Вероятно, причина заключается в том, что формальные институты и выстраиваемые на их основе отношения легче поддаются анализу и оценке чем неформальные политические практики. Нелегальные и неформальные отношения являются наиболее сложными объектами исследования, поскольку они слабо обоснованы теоретически, а сбор эмпирического материала сопряжен с трудностями. Однако теоретическое обоснование должно стать первым шагом в решении столь сложной задачи.

Очевидно, что разрастание латентности на уровне социальной системы связано с распространением неформальных практик, а сам процесс может быть описан термином «теневизация». Данный термин редко используется в украинской политической науке, однако «теневые отношения», «теневая экономика» и «теневая политика» неоднократно становились предметом исследования российских и украинских ученых. Анализ теоретических подходов к обозначенным явлениям, по мнению автора, позволит определить влияние теневизации на политические процессы в переходных обществах, а также в перспективе наиболее полно раскрыть проблему политической латентности.

Цели и основные функции неформальных политических практик были отражены в диссертационном исследовании российского ученого М.В. Подхомутиковой. Неформальные политические практики определяются ею как «постоянно воспроизводимые стереотипные правила взаимодействия субъектов политики, установленные и поддерживаемые посредством социокультурных регуляторов: ценностей, политических ориентаций, установок деятельности, а не формально-правовых норм» [1]. При этом цели неформальных политических практик заключаются в получении публичной власти и (или) увеличение ресурсов власти субъекта политики.

Следует отметить, что независимо от количества субъектов неформальных практик: идет речь об интересах отдельного субъекта политики, либо о корпоративном интересе политической элиты, цель теневых отношений не изменяется – это контроль над ресурсами. В результате переноса процесса распоряжения ресурсами в тень, возникает двойная (официальная и теневая) система управления. Российская исследовательница А.Б. Даугавет назвала этот феномен «двухслойностью управления» [2].

Что касается функций неформальных практик, по М.В. Подхомутиковой, их основное назначение заключается в конструировании и воспроизводстве основных способов существования субъектов политики, обеспечении удовлетворения их потребностей и достижения целей. Они призваны восполнить неэффективность формальных институтов и практик общества и создать согласованное коммуникативное пространство.

В этом контексте И.М. Клямкин и Л.М. Тимофеев говорят о формировании квазигражданского общества, которое заменяет государство, компенсирует его недееспособность. «Особенность такого квазигражданского общества не только в том, что оно замещает государство. В случаях, когда люди вынуждены все же вступать в контакты с властями, выясняется, что оно, заменяя государство, одновременно и проникает в него, взаимопереплетается с ним, образуя густые сети горизонтально-вертикальных неформальных связей – родственных, приятельских, а то и просто криминальных. Таким образом, правомерно говорить не только о квазигражданском обществе, берущем на себя функции власти, но и о сопутствующем ему, его дополняющем теневом государстве, обслуживающем неструктурированные (или структурированные нелегально) общности людей в обмен на соответствующие с их стороны услуги (немедленные, либо отложенные)» [3].

Следует отметить, что неэффективность формальных институтов не единственная причина, порождающая неформальные практики. Российская исследовательница Е.Н. Митракова выделяет три причины возникновения теневых отношений. Во-первых, они возникают там, где существуют

актуальные для общества проблемы, не находящие формальных способов решения. Во-вторых, они могут иметь место там, где предполагаемые официальные способы взаимодействия вступают в противоречие со сложившимися практиками, разделяемыми большинством социальных субъектов. И, в-третьих, когда формальные пути решения проблемы предполагают сложную, либо неапробованную процедуру реализации интересов и потребностей.

Таким образом, «теневые отношения представляют собой сознательный «уход» от существующих официальных форм и моделей отношений в экономике, политике, правовой жизни общества» [4]. Понятно, что такие отношения являются скрытыми и неизвестными большей части общества. В отличие от открытых процессов, теневые отношения не проявляются в тех или иных конкретных показателях, информация о них минимальна. Будучи скрытыми от наблюдения со стороны общества, теневые отношения формируют своеобразную скрытую социально-экономическую систему.

В том или ином виде скрытые системы социально-экономических отношений сформировались в большинстве стран постсоветского пространства. По этому поводу украинский ученый О. Долженков пишет: «В специфических условиях посткоммунистических трансформаций теневая часть политической системы приобрела способность к превращению в альтернативу легальной, фактически доминирующей политической системе общества» [5]. Это справедливо и в отношении Украины. На теневом аспекте политического процесса в Украине делает акцент В.И. Бортников. По его мнению, «при анализе политической системы Украины следует вести речь не только о легальных институтах, но и о конкурирующих структурах (теневых институтах) внутри нее. Составляющими теневой части политической системы являются политические кланы, клубы, парламентское лобби, окружение первых лиц государства, организованные преступные группировки с политическими интересами – в качестве институциональных элементов, а также нелегальная деятельность легальных учреждений, патронажно-клиентарные и земляческие отношения и т.д. – в качестве функциональных элементов» [6].

Предпосылкой формирования теневой системы политических отношений, по мнению другого украинского ученого И.М. Поповой, является нелегитимность власти. «Специфика современного состояния общества, функционирующего в условиях нелегитимности власти, состоит в том, что происходит институционализация теневых механизмов» [7]. Безусловно, выстраивание таких механизмов создает параллельную плоскость функционирования политической системы с уже новыми каналами воспроизводства качества системы. Несколько иные предпосылки формирования теневых отношений в политике выделяет российский исследователь А.М. Старостин. Характеризуя условия развития политического процесса в России, он отмечает «недостроенность взаимоотношений ветвей и уровней государственной власти, неполноту правовой базы и почти полное отсутствие эффективных институтов гражданского общества, которые приводят к тому, что публичная власть зачастую становится лишь декорацией для непубличных действий и решений. Именно такого рода действия и принято считать теневыми. Они выстраиваются в систему, которую затем трудно сломать» [8].

Стойкости теневых систем на политическом уровне способствует теневизация социальной и экономической сфер. Причем теневые отношения на уровне общества, осуществляющиеся в процессе взаимодействия представителей различных социальных групп, и определенным образом способствуют теневизации политических отношений. Российская исследовательница Р. Рывкина механизм теневизации отношений различных социальных групп, описывает следующим образом: рабочие взаимодействуют с администрацией своих предприятий; чиновники высших уровней власти – с чиновниками средних и низших уровней; журналисты – с владельцами соответствующих СМИ и читателями; врачи – с больными, которых они лечат; преподаватели – с учащимися и т.д. И если одна группа начинает осуществлять теневое поведение, это значит, что и «группа-партнер» тоже втягивается «в тень».

Из сказанного следует, что теневые отношения проявляются в различных срезах социальной системы, на различных уровнях социальных отношений и характеризуется взаимопроникновением. На взаимообусловленности политической, экономической и правовой сфер и развертывании в них теневых процессов делает акцент российский ученый В.П. Воротников. Он считает, что при изучении теневых отношений необходимо больше внимания уделять триаде «теневая политика – теневая экономика – теневое право». Ее исследование позволяет прийти к выводу, что теневизация приобрела системный характер, выходя за рамки интересов отдельных лиц и групп, угрожая становлению демократического и правового государства, гражданского общества [9].

Взаимообусловленность теневой экономики и теневой политики подчеркивает С.Ю. Барсукова. Она считает, что речь идет не о сращивания теневой экономики и теневой политики как двух негативных, но автономных процессов, а об их взаимообусловленности. Теневая экономика и теневая политика не существуют порознь, поскольку являются взаимно предполагаемыми частями единого процесса восстановления властной иерархии как основного принципа распределения экономических возможностей [10].

Взаимосвязь теневой экономики и теневого права четко отражена в определении понятия «теневой порядок» российским ученым Л. Тимофеевым. По его мнению, «теневой порядок» – это сложная система частных правовых решений, неизбежно возникающую за рамками юридических законов, регулирующих отношения собственности. «Сеть общественных институтов, составляющих теневую систему, призвана

сократить транзакционные издержки на обустройство рыночных обменов в тех случаях, когда государственное вмешательство носит характер отрицательного внешнего эффекта. Теневой порядок во многом дублирует функции государства, но решения, которые здесь принимаются, в правовом смысле противоположны государственным доктринальным нормам» [11].

В свою очередь, Р.Рывкина указывает не только на взаимосвязь теневизации экономической и социальной сфер, но и указывает на первичность экономической сферы в распространении теневизации отношений на другие социальные сферы. В частности, она отмечает, что «в условиях посткоммунистических трансформаций бурный рост теневой экономики стимулировал теневые процессы за ее пределами, в социальной сфере и снабжал эту сферу алгоритмами теневого поведения. Теневизация социальных сфер оказалась исторически вторичной по отношению к теневой экономике. То есть, будучи источником теневых процессов, экономика как бы «заражает» ими все другие сферы общества. В результате теневые процессы выходят за рамки экономики и проникают во все остальные сферы общественной жизни. Вследствие этого «теневое пространство» в стране непрерывно расширяется, захватывает новых социальных субъектов, новые социальные институты, новые социальные организации» [12].

Близкой точки зрения придерживается российская исследовательница Е.С. Жидяева. Она отмечает, что «ядром и отправным пунктом теневизации общества, без сомнения, является теневая экономика. ...Локусом зарождения и воспроизводства теневых отношений является экономическое поле, сфера хозяйственных взаимодействий. Главное видовое отличие теневых экономических отношений заключается в их закрытости, непроницаемости для государства и общества, в их неподвластности формальной регламентации» [13].

На стремительный рост теневых отношений в экономике в условиях переходного развития политических систем на постсоветском пространстве указывает С.Т. Сава. В ходе трансформации российской социально-экономической и политической системы «с одной стороны, значительно (более чем вдвое) сократились масштабы легальной экономики, а, с другой, выросла теневая и неформальная экономика. Удельный вес последней вырос до размеров, сопоставимых с легальной экономикой. Естественно, что «в тени» появились весьма могущественные и влиятельные группы и лидеры, часть которых хотела бы легализовать свое влияние и занять публичные властные позиции» [14]. Как следствие «в структурах законодательной, исполнительной, судебной власти происходит формирование различных групп представляющих власть отнюдь не только в соответствии с существующей законодательной базой, но и по земляческим, корпоративным, родственным и другим неформальным принципам. Соответственно и принимаемые этими группами решения реализуют скрытые интересы, которые не только не совпадают с общенациональными, но зачастую прямо противоречат им» [14].

Как видим, здесь четко представлен механизм перехода теневизации из экономической в политическую сферу. Однако в отличие от экономической науки, в которой термин «теневая экономика» широко используется, в политологии понятие «теневой политики» используется значительно реже. По этой причине отсутствует его четкая дефиниция. Обычно теневые действия в политике интерпретируются через экономические, либо криминологические причины. В первом случае теневые отношения в политике рассматриваются как производные от аналогичных отношений в сфере экономики; во втором — делается акцент на несоответствии деятельности политических и неполитических субъектов правовым нормам и законам, принятым в данном обществе.

Наряду с указанными подходами к трактовке «теневой политики» существуют и субстанциональный подход к объяснению данного явления. Субстанцией политики, как известно, является власть, следовательно «теневая политика» может быть объяснена через понятие «теневая власть». По мнению российского исследователя В.О. Воронова, «теневая власть» имеет многоаспектный и полисемантический характер, связывающий его со скрытым управленческим воздействием, неформальным руководством социальными, политическими, экономическими, духовными процессами на том или ином уровне общества. Понятие теневой политической власти включает в себя следующие основные аспекты:

- параллельная официальной (публично-легальной) власти (данного или иного государства или иного субъекта политических отношений);
- деструктивные скрытые воздействия на политический процесс;
- поведенческие формы неформального и ненормативного воздействия на политических руководителей в целях реализации частных или групповых интересов [15].

Представленные аспекты теневой политической власти в том или ином объеме имеют место в большинстве переходных обществ. Чем менее эффективны правовые нормы, тем существеннее предпосылки к теневизации политики. По сути дела развертывание политических процессов вне конституционно установленных процедур говорит о том, что политическая система начинает функционировать в рамках неформальных правил. Получается, что чем шире зазор между политической практикой и установленными нормами функционирования политической системы, тем выше уровень теневизации политики. В данном случае можно говорить о наличии прямопропорциональной зависимости между объемами неформальных практик и теневизацией политики.

Подводя итог вышеизложенному, отметим следующее:

– теневи́зация может проявляться в экономической, правовой и политической сферах, для обозначения которой используют такие понятия как «теневая экономика», «теневое право» и «теневая политика»;

– теневи́зация различных общественных сфер является взаимосвязанной и взаимообусловленной, при этом теневи́зация экономики выступает предпосылкой для теневи́зации политической системы общества;

– «теневая политика» — это совокупность отношений политических акторов, которые складываются вопреки правовым нормам, правилам «политической игры», в ходе которых осуществляется прямое, либо опосредованное влияние на процесс принятия политических решений;

– следствием теневи́зации политических процессов является закрытость политики, неподконтрольность власти обществу, снижение количества и качества взаимодействий между обществом и государством, ослабление действенности правовых норм и т.д.

Библіографічний список використаної літератури

1. Подхомутникова М.В. Неформальные политические практики в современной России: субъекты институционализации : автореф. дис... канд. полит. наук: 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии / М.В. Подхомутникова. — Краснодар, 2010. — 27 с.
2. Даугавет А. Неформальные практики российской элиты (Апробация когнитивного подхода) / А. Даугавет // Полис. — 2003. — № 4. — С. 26–39.
3. Клямкин И.М. Теневой образ жизни: социологический автопортрет постсоветского общества / И.М. Клямкин, Л.М. Тимофеев // Полис. — 2000. — № 5. — С. 121–132.
4. Митракова Е.Н. Институционализация неформальных политико-правовых практик в современной России как угроза национальной безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии / Е.Н. Митракова. — Ростов-на-Дону, 2006. — 30 с.
5. Долженков О. Тіньовий аспект політичного процесу: феномен адміністративно-політичних кланів / О. Долженков // Людина і політика. — 2000. — № 2. — С. 2–6.
6. Бортніков В.І. Політична участь і демократія: українські реалії / В.І. Бортніков. — Луцьк: РВВ «Вежа» Волин. Держ. Ун-ту ім. Лесі Українки, 2007. — 524 с.
7. Попова И.М. Социальная практика как основа легитимации и согласия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dspace.opu.edu.ua:8080/bitstream/123456789/1224/1/128-135%2B.pdf>
8. Старостин А.М. Административно-политические элиты России: позиционирование во власти и управленческая эффективность / А.М. Старостин. — Ростов н/Д.: Изд-во: "СКАГС", 2003. — 246 с.
9. Воротников В.П. Преодоление теневи́зации общества: теория и опыт России: автореф. дис... д-ра полит. наук: 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии / В.П. Воротников. — М., 2005. — 52 с.
10. Барсукова С.Ю. Теневая экономика и теневая политика: стратегии сращивания // Модернизация экономики и государство. Кн. 3 / Отв. ред. Г.Е. Ясин. — М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007. — С. 370–378.
11. Тимофеев Л. Общественный договор “ноль прав собственности” и теневой порядок / Л. Тимофеев // Вопросы экономики. — 1999. — № 4. — С. 61–78.
12. Рывкина Р. К чему привела «теневизация» социальных отношений / Р. Рывкина // Мировая экономика и международные отношения. [Электронный ресурс]. — 2001. — № 4. — Режим доступа: http://www.nasledie.ru/politvne/18_31/article.php?art=9?56564e00
13. Жидяева Е.С. Генерализация иллегальных социальных практик и формирование теневого социального порядка как криминогенный фактор. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://teoriapracitica.ru/-1-2007/order/jidyayeva.pdf>
14. Сава С.Т. Механизмы рекрутирования современных российских политических элит в условиях переходных социально-политических процессов (региональный уровень): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии / С.Т. Сава. — Ростов н/Д., 2004. — 161 с.
15. Воронов В.А. Феномен теневой власти в современном политическом процессе России: дис... канд. полит. наук: 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии / В.А. Воронов. — Ростов н/Д., 2002. — 190 с.

Поступила в редакцию 23.05.2011 г.

Шадріна О.В. Вплив тіньовізації на політичні процеси у перехідних суспільствах

Встановлюється сутність тіньовізації в економічній, правовій і політичній сферах. Визначаються передумови тіньовізації політики у перехідних суспільствах.

Ключові слова: тіньовізація, тіньові відносини, "тіньова політика", неформальна практика.

Shadrina O.V. Effect shading in the political process in a transitional society

The essence of shading is established in relation to economic, legal and political spheres. Defined are the conditions of shading policy in transitional societies.

Keywords: shading, shadowy relationships, the "shadow politics", an informal practice.